золотоискателя Зиганшина

«Золото Алдана»

ной и несгибаемой староверческой общины, противопоставившей себя миру, – интересуются, в первую очередь, вопросом, *как* они это делали? Как выживали? Как побеждали в ежедневной схватке с природой, и как научились, в итоге, видеть в природе не врага, а союзника, опору, несмотря на всю студёную лютость выпавшего им земного жребия.

А главный вопрос – совсем не в этом. Главный вопрос – *зачем* они всё это делали? Только через это «пытание бытия» Зиганшин и выходит к высшим формам обобщения идей, декорированных (и богато) конкретикой исторических и этнографических деталей. Но в центре повествования – право человека на веру, необходимость веры для человека, сознание, определяющее бытие, и невозможность никакого бытия определить собой сознание, нарушить основополагающий принцип свободы воли, данный человеку от Бога и делающий человека человеком (а иначе был бы не человек, а марионетка).

И ещё искреннее убеждение автора, что не вера убивает, не вера разрушает межконфессиональное согласие, а замешанные на исходном безверии, растлении личности жадность и хищное стяжательство человека, в какие бы вероисповедные одежды оно ни маскировалось. Можно о таком рассказать посреди городских асфальтов, посреди индустриальной площадки или на лазурной курортной ривьере? Да. Но Зиганшин помещает свои глубочайшие искания о сути и природе людской в привычный и хорошо знакомый ему как путешественнику, заядлому туристу мир лесной. Это особый мир, таёжный, мир суровый, гор и тундры, закаляющий человека, проверяющий всякого на излом. Многих это и обманывает, тем более, что дотошная детализированость у автора порой и в самом деле кажется излишней.

Отношения Зиганшина с дикой природой – особые, глубинные: для него глухие углы – не просто среда обитания редких видов (в том числе и людских), но и своеобразная философия, и стержень, на который нанизывается авторская мысль, авторское искание. Михаилу Михайловичу Пришвину принадлежит такая философская мысль: «Мы хозяева нашей природы, и она для нас – кладовая с великими сокровищами жизни. Именно для нас она открывает и показывает эти сокровища, мы должны научиться охранять их».

Несомненно, этот подход близко и Зиганшину, который во многом выступает продолжателем дела Пришвина. А значит – ткёт причудливую ткань соединённого с былью вымысла, протокольного реализма со сказкой, в которой, например, зайцы говорят и думают по-человечески. Человек у Зиганшина не вынут из природы, он – частица природы, и даже все его душевные богатства – как бы продолжение земных природных ресурсов, самораскрытие в духовной сфере природного ландшафта. Спорный подход? Несомненно, но творчески плодовитый…

Речь не только о пресловутом «экологическом мышлении», а о растворении человека в породившем его прекрасном, но и суровом мире природного бытия. Если говорить о темах, которым писатель Зиганшин особенно привержен на протяжении всей своей творческой биографии, то это единство неповторимо прекрасной и таинственной природы глазами очарованного странника, но и драма порой весьма непростых взаимозависимостей её с человеком.

Несомненно, очень сильное влияние на весь текст трилогии оказал опыт географических описаний, опыт очень богатый – масса путевых заметок и впечатлений автора как от поездок по северу России, так и по всему миру. Зиганшин всегда, на втором плане любого из своих сюжетов, стремится стать выразителем «души природы», позволить читателю обрести в ней вечный источник радости и творческих сил.

Особенности личности и таланта Зиганшина – оптимизм, вера в человеческие возможности, в добрые начала, естественно заложенные в каждом, поэтичность восприятия мира, в которую, однако не влагается наивной восторженности. Автор несёт с собой и познавательную компоненту, полную меру знаний об окружающей жизни и таёжных реалиях.

Такова его миссия – раскрыть чудеса обычной жизни, показать необыкновенное в обыкновенном. Восхищением перед красотой природы и человека, ее друга и сына, проникнуты все произведения Зиганшина. «Золото Алдана» этого не избежало, да и не должно было избегать. Ведь в творческой мастерской Камиля Фарухшиновича люди обретают свои человеческие начала не только в единении с Богом-Абсолютом, но и в органичной, гармонично переплетённой с этим взаимосвязи с великой целостностью божественных творений, в убеждении, что человек всегда должен быть на ее стороне, защищать и оберегать окружающую среду.

Точность наблюдений художника и натуралиста, напряженность философских исканий, высокое нравственное чувство, язык, питаемый соками народной речи, у Зиганшина идёт от научного знания и фольклора к художественной прозе, создавая мифоэпические образы Алдана. Но необходимо отметить, конкретные образы романа, которые так глянулись множеству рецензентов, одновременно выступают и как олицетворение мифа, целокупности бытия.

Потому в трилогии и соединились в довольно органичный сплав поэзия природы, занимательность сюжета и познавательный интерес.

Но, на мой взгляд, в ряде мест книги есть некоторая затянутость эпизодов, попытки совместить предельный жизненный натурализм и язык обобщающей притчи приводят к излишней манерности диалогов, сценической «постановке» речей у персонажей, не просто разговаривающих, но «произносящих», «декларирующих и декламирующих» своё наболевшее. Чрезмерным кажется и несметное количество персонажей, между которыми порой теряешься, и которые иной раз дублируют друг друга, когда автор разными устами стремится повторить свои главные мысли и самые заветные наблюдения. Но это – наверное, неизбежные издержки замаха на роман-эпопею, каковых и самому Льву Николаевичу, и Фёдору Михайловичу не всегда удавалось избежать…

Классик нашей литературы, русский писатель Валентин Распутин, прочитав роман Зиганшина, оценил его так: «Книга меня удивила сочностью и красочностью языка». Но язык – оружие грозное, опасное, и обоюдоострое! Как часто, увлекаясь фонемой, писатели теряют путеводную нить семантики, или наоборот, погружаясь в смыслы с головой – перестают замечать неловкость фонетических рядов. Классическая, настоянная на языковых приёмах «золотого века» русской литературы речь Зиганшина не всегда умеет спрямить путь смыслу, стремление к красоте выражения приводит к многословию, и в определённых местах вредит, на мой взгляд, той выразительности, ради которой и затевалась. Всё же есть особенности таёжной беседы – и беседы в аристократическом салоне, даже если беседы эти ведут одни и те же люди. У Зиганшина же они и в тайге – наверное, потому что дворяне – продолжают говорить «по писаному».

Наблюдается – порой даже в описаниях природы, пейзажей в которых Зиганшин общепризнанный мастер – конфликт, скажем так, фотографа и художника-символиста. Возникающий символ порой заслоняет множество деталей, поневоле переносящий нас из мира абстрактных идей в конкретное узнаваемое место.

Но считать ли это недостатками? Или же уместнее всё это считать особенностями самобытного авторского пера, особенностями его узнаваемого творческого лица, для которого непохожесть на других авторов – главное достоинство? Чтобы быть настоящим большим писателем – нельзя оставаться «причёсанным» и гладким, поневоле приходится делать всё по-своему, ломая привычные схемы и рамки. Это и сделал Камиль Зиганшин, подарив нам в своих сибирских исканиях, из самых глубоких руд сибирских, три самородка, три романа трилогии «Золото Алдана».

Сергей ХОМУТОВ

Вдали от пыльных городских окраин

О творчестве Павла Широглазова

Вначале прошлого столетия в литературу буквально хлынуло многообразие талантов. Первые десятилетия нового века не явили ярких личностей, продолжающих традиции исконно русской поэзии. А попытки удивить читателя эпатажной бессмыслицей или пошловатой разнузданностью успеха не имели. Хотелось увидеть не просто одаренного молодого, но поэта со своими голосом, своими творческими истоками, своей судьбой.

Вологодская литература открыла в прежние времена ряд имен всероссийского уровня, но в последние годы здесь наблюдалось затишье, без всплесков на поэтической глади. Вспыхнул яркой звездочкой в девяностых годах Алексей Шадринов, но трагедия оборвала жизнь совсем юного поэта. Поэтому мое знакомство со стихами череповчанина Павла Широглазова стало приятной неожиданностью. Предисловие к одной из книг Николая Рубцова Глеб Горбовский озаглавил «Долгожданный поэт». Не проводя никаких параллелей, могу сказать, что для меня Широглазов тоже стал поэтом долгожданным.

Искать творческие начала любого самобытного поэта непросто. Поэзия – дорога длиною в жизнь, а в лучшем случае дольше жизни, поскольку даже когда он уходит, лучшие произведения остаются с читателем. Говорить об авторе – значит говорить о его стихах и его стихами, хотя без понимания биографических моментов творчество поэта понять до конца невозможно. Новая, третья книга Павла Широглазова «Молоко облаков» вышла в серии «Сокровища вологодской поэзии» издательства «Порт-Апрель» (Череповец).

Сам поэт характеризует мир, в котором живет его Муза, в одном из программных стихотворений «Колокол»:

Не рядышком и не около,
Не близко, не далеко,
Душа моя – это колокол
С развязанным языком.
Не выбраться, не опомниться,
Не умереть сперва:
Душа моя – это звонница,
В которой живут слова.
Пусть все через пень колодину:
И мир, как большой блиндаж,
Душа мая – это родина,
Которую не предашь.

Это не декларация, а искреннее определение того, чем он живет, к чему стремится.

С поэтами, которых Павел Широглазов называет близкими, разобраться тоже непросто: Николай Тряпкин, Николай Рубцов, Глеб Горбовский, Александр Башлачев, Юрий Кузнецов, Николай Глазков, Аркадий Кутилов, Леонид Губанов и некоторые другие. Искать какое-то сходство, конкретные пересечения едва ли стоит. Скорее всего, они родственны Широглазову образной и лексической свободой. Творческие пути у каждого из них разные. Разговор о заимствованиях вообще ни к чему. Чем талантливей поэт, тем больше он берет от предшественников, перерабатывая и воплощая все в собственных стихах.

Детство Павла Широглазова связано с белозерской деревней, где он проводил каждое лето. Отсюда многое в его стихах: «Вот они – мои святыни: васильковые поля…», «В пушистых лапах лесной хвои Согрелся я и однажды ожил…», «Нырнув в снега ромашкового луга, Я вспомню Белозерский хуторок, Где с дедом мы устало шли за плугом… Где по утрам я бегал за морошкой На наши заповедные места, И бабушка кормила нас картошкой, Что народилась с одного куста». Кто жил в деревне, поймет, что значит «с одного куста» – хороший выдался урожай, с одной посаженной картофелины можно было накормить всю семью.

От деревенских впечатлений, прочитанных еще в детстве книг, наверно, и соединение сказочности с реальностью в стихах поэта. Жизнь крестьянская на Вологодчине была сказочной только на первый взгляд. Нелегкие времена переживало село, а часто и вовсе не смогло пережить:

Терем-теремок на горушке,
Если говорить напрямки,
На плечах последней старушки
Теплится закат у реки.
На горбу последнего деда
Кочумает русский авось:
Тяжело досталась победа
И потом несладко жилось.
(«Терем теремок на горушке…»)

Но сказка вошла в творчество Павла Широглазова прочно. А может, наоборот, он вошел в сказку и продолжает жить в ней. Не случайно соприкосновение поэта с искусством скоморошества. Этим словом обозначали в древности что-то несерьезное, дурашливое. Скоморохи устраивали шумные представления, веселили публику. Использовали они в своих выступлениях разные народные музыкальные инструменты: дудки, гусли, бубны, погремушки, колокольчики… Носили своеобразные одежды. После крещения Руси скоморошество как часть языческой культуры преследовалось. Но постепенно, преодолев гонения, оно преобразовалось в народный театр с песнями, куплетами, прибаутками, куклами. Это ли не сказка:

Гремите бубны! Смейся детвора!
Ругайся на руке моей Петрушка!
Когда меня погонят со двора,
В кармане звякнет
медная полушка.
(«Масленица»)

Скоморохи вели кочевую жизнь, и Павел Широглазов тоже много «странствует», выступает со своим театром в разных городах и поселках. Это дает ощущение полноты жизни, приносит новые темы для стихов, новые краски. Как пришел поэт к этому? Очевидно, душа позвала. А когда у него появились гусли, и вовсе народное искусство стало родным.

Русский фольклор обогатил поэзию Павла Широглазова и лексически, и особенно ритмически:

Сердобольная вдова,
выдай мне копеечку:
Обесточу белый свет
толоконным лбом.
В зябкой сутолоке дня
прорастает семечко,
И кочуют облака в небе голубом.
(«Копеечка»)

Гуси-лебеди клевали хлеба
И летали от меня далеко,
Думал с ними, да видать не судьба:
Не обсохло на губах молоко…
(«Гуси-лебеди»)

Я стихи писать не брошу:
Если станет тяжело,
Я стихами огорошу
Все Иваново село.
(«Я стихи писать не брошу…»)

Здесь и былинное, и народно-песенное, и частушечное. Многие стихи Широглазова тоже положены на музыку. Найти равновесие между прошлым и настоящим непросто. Сложность еще в том, что поэт хочет не просто продолжить традиции Древней Руси, но «не убояться собственных корней», прирасти этими корнями к новой почве.

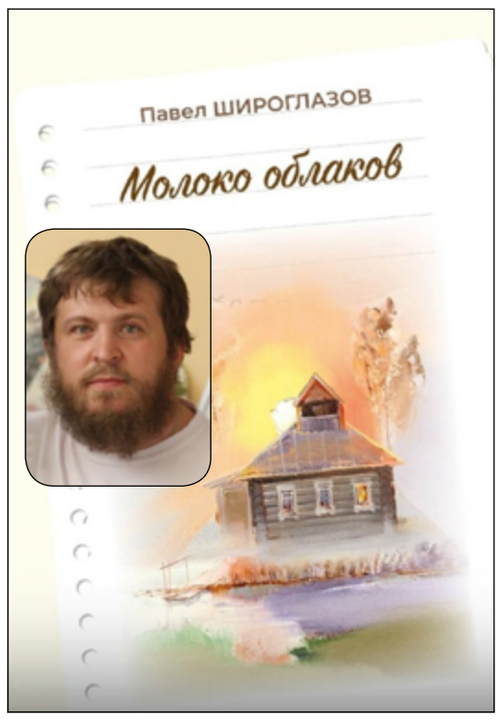
Исследователи творчества (в частности, известный историк литературы С.А. Золотарев) отмечали среди других факторов, влияющих на формирование художника, природу тех мест, где жил писатель. А поэт Александр Блок в своей статье «Краски и слова» говорит о значении природы в творчестве еще откровеннее: «Только часто прикасаясь взором к природе, отдаваясь свободно зримому и яркому простору, можно стряхивать с себя гнет боязни слов, расплывчатой и неуверенной мысли». Образная система стихов Павла Широглазова идет именно от изначального, природного: сравнения, метафоры, иносказания… Город не поглотил его душу, лишь изредка пытается затронуть, но безуспешно.

Через образный ряд поэт передает свои чувства и мысли. Получается естественно и ярко: «Осень в небо тянется журавлем, с грустью покидая шатры рябин…», «Ветер гнул березам пальцы, И ломал запястья рук…», «Дикий тополь устал расти, и земля ему стала пухом…», «Я слышу песню северных окраин, И божьей коровенкой по рукам Скользит июнь, дождлив и неприкаян…». Природа очеловечена, олицетворена. Поэт берет птиц, зверей, травы и деревья в друзья: «Мы с кукушкой вместе куковали, где придется, чаще задарма…», «Вот они – мои святыни: васильковые поля…», «С медведями я «шапочно» знаком, А волки мне – товарищи и тезки», «Я сам не свой от камышовых песен, И с птицами общаюсь, как с родней…».

Это – окружающий мир, в котором творит поэт, но над ним, конечно, большее: судьба, осознание себя, Бог… Без Бога не было бы ничего того, что освящает строки:

Я давно бы исчез,
растворившись
в сыром сквозняке.
Но хранит меня Бог
на цветущих ладонях черемух.
(«На Андоге»)

Бог – любовь ко всему земному от цветка и травинки, до нищего человека, до слова. Любовь действенная и не заменимая ничем: «Меня хватило ровно на любовь: Все остальное, как-то между делом», «Где б такое снадобье раздобыть, У каких аптекарей поспрошать, Чтобы всех и каждого возлюбить, Больше чем насытиться и дышать?», «Разговариваю с Небом, Отфильтровываю зло И делюсь последним хлебом С тем, кому не повезло». Даже с бездомной собакой хочется поделиться заботой и теплом: «Когда из хаоса и мрака, Где вместо солнца – фонари, Придет бездомная собака И ляжет у моей двери, Я брошу ей бушлат в прихожей, едой не стану дорожить…». И уж совсем неожиданное, но оправданное желание отплатить любовью за любовь самому Богу: «Сбросил я тулуп овечий и гордыню порешил, Сохраняя человечий облик собственной души. Если до утра не сгину, и меня услышит Бог, Я рубаху тоже скину, чтобы он согреться мог…». А в стихотворении, посвященном памяти Александра Башлачева, и строка-напутствие самому себе: «Входите в литературу с любовью, как в Божий храм».



Но если Бог – высшее, окормляющее земную жизнь, то судьба – то, что формирует поэта здесь. Биографию Павла Широглазова можно считать богатой: поработал и в северных геологических партиях, и в газетах, но в итоге пришел именно туда, где свыше означено ему было находиться: к экскурсионной деятельности в Литературном Музее Николая Рубцова и одновременно театрально-кукольной культуре в фолк-артели «Ёра Га», созданном им кукольном театре. Дорога не стелилась гладко. Всё было в жизни: искания, испытания, грехи: «Я толпился в очередях за дешевым вином и хлебом…», «…Жил я весело и безбожно, Не жалеючи ни о чем. Жизнь летела быстрее пули, И казалось, что всё – кранты: Обыграл меня дерзкий шулер. Был я в рабстве у темноты. Но однажды я встретил Бога…». Жизнь с Богом, под Его присмотром продолжается не без ошибок и покаяний, и отсюда искреннее стихотворение:

Упаду в бесконечную пропасть
И очухаюсь в пасмурном дне,
Как звезда, потерявшая лопасть
В неуютной сырой западне.
……
А когда доберется ненастье
До распахнутой настежь души,
Я нащупаю русское счастье
И останусь в заветной глуши.
Отогрею усталые руки
И сумею держаться корней.
Дай мне, Боже, «леща» для науки,
Для усердия лучшего в ней…
(«Упаду в бесконечную пропасть…»)

Так вот по-бытовому, по-сыновьи обратиться к Богу может, наверно, тот, кто прозревает «Ощущение Бога В каждой пригоршне русской земли…», на которой живет и которой отдает себя и в делах, и в слове, кто понимает, что «Не прийти к Отцу и сыну, Если сердце под замком».

Ассоциативность мышления – одна их главных черт поэзии Павла Широглазова, когда за строкой возникает второй, третий план, и читатель может уйти дальше, в свои размышления, увидев близкое себе через строчки другого человека:

Пустым карманом
истину ловлю:
Ломаю быт
дыханьем подворотен.
В больших домах
не место королю
Бездомных дней
и северных полотен.
(«Пустым карманом
истину ловлю…»)

Пока трава,
которую скосили,
Не пожелтела
в суматохе дней,
Я стану частью
скошенной России,
Не испугавшись
собственных корней.
(«По скошенной России»)

Помилуйте
святую простоту
И не держите зла –
оно корежит.
Я прикасаюсь
к чистому листу
Далеким эхом
русских бездорожий.
(«Скрипит во тьме
тугая бечева…»)

Задача творца заключается в том, чтобы не только отыскать поэтический материал, но и выразить свои чувства, мысли в свежих, ярких образах. Сказанное выше подтверждает, что Широглазову это удается в полной мере. Писательница Лидия Либединская в своем воспоминании о Николае Заболоцком приводит высказывание выдающегося поэта: «Стихи писать легко, поэтом быть трудно». Широглазов в поиске, развитии, в том числе и в поиске себя, что непросто в наше смутное время, но только это делает стихотворца поэтом.

Обостренно проявляется в стихах чувство родины, обретенной им на Вологодская земле, хотя и родился он в Сибири. Не могу не привести целиком еще одно стихотворение:

Я завещаю чистому листу
Скуластый север
с вербами на стопах,
Куда летит
запутавшийся в стропах,
Отцветший одуванчик полевой,
Счастливый тем,
что всё еще живой.
Закатный луч ломается в реке
Румяным хлебом,
чтоб на всю ораву.
Уставший путник
ищет переправу,
И слезы остывают на щеке.
Скрипи, скрипи перо в моей руке.
Благослови мой полуночный раж
Вдали от дымных
городских окраин,
Пока в дверях не появился Каин,
Не испишись последний карандаш…
(«Я завещаю чистому листу…)

Глубинная Русь, которую воспевали до него, и, надеюсь, будут воспевать после, дает силы, дыхание стихам, любовь сердцу. А что еще нужно поэту?

Александр СМЫШЛЯЕВ

«Даль» Твардовского и «Простор» Ганичева

Перекличка поколений

обжитых земель под предлогом их нерентабельности и неприбыльности. А вот за первое десятилетие существования Транссиба население Сибири выросло в два раза!».

То было первое десятилетие 20 века, а за его последнее десятилетие население Сибири в два раза поредело. И только во втором десятилетии 21 века правительство спохватилось и стало принимать меры к закреплению людей. И дай-то Бог, чтобы случилось так, как было при Твардовском, и Ганичев приводит его строчки из поэмы «За далью – даль»:

За годом – год, за вехой – веха,
За полосою – полоса.
Нелёгок путь, но ветер века –
Он дует в наши паруса!

Лишь бы не заболтали. Лишь бы не сменился ветер. Я пишу это в дни, когда во Владивостоке проходит Восточный экономический форум, а президент России Владимир Путин по пути на этот форум посетил Камчатку и задержался на ней на целый день. Помимо прочего здесь у него состоялась достаточно пространная беседа с губернатором Камчатки Владимиром Солодовым. Лично для меня Солодов впервые открылся так мощно, до сих пор я относился к нему легче. Встреча транслировалась на ТВ, и мы увидели настойчивость Солодова в постановке перед президентом камчатских вопросов. Он говорил грамотно, формулировал и ставил вопросы чётко, нисколько не смущаясь, без лести и подобострастия. Это вселяет определённые надежды на перемены и у нас. Ведь до сих пор Камчатка жила и развивалась, что называется, по накатанной. Заметное убыстрение стало наблюдаться к концу губернаторского срока Владимира Илюхина и при Владимире Солодове. И было бы несправедливо об этом не сказать.

Так вот, о беседе президента и губернатора. Владимир Солодов убедил (похоже, президент действительно убедился) в корректировке нового закона о распределении квот на вылов рыбы, когда квоты даются тем предприятиям, которые запланируют больше инвестиций в свои же предприятия и социалку. Больше планируешь вложить, больше получишь. На первый взгляд справедливо. Но только на первый, когда не думаешь глубоко, не знаешь жизнь прибрежных рыбацких поселений, тысяч людей в них. Ведь это значит, что малый и средний бизнес, да и большинство крупного бизнеса по региональным меркам будет не способен конкурировать с монстрами. Они всё заберут себе, будут давиться, отрыгивать, но стараться освоить свои квоты. И опять массовое банкротство остальных? Ведь кто-то задумал эту диверсию. Значит, ветер, дующий в наши паруса, иногда сбивается. Где Путин не доглядел, там обязательно найдётся умник, который сделает против России – России людей, которые наконец-то стали обретать надежду.

Я в скуку дальних мест не верю,
И край, где нынче нет меня,
Я ощущаю, как потерю
Из жизни выбывшего дня.

Александр Твардовский готов сойти и остаться на любой станции, даже полустанке – настолько ему всё нравится в его дальней дороге. Ему хочется всего, и он, как видим, перечисляет это всё. Он поэт державный и человек своего времени.

Другое наблюдает Валерий Ганичев. Из увиденного в Забайкалье: «Вот селенье. Дома щитовые. Почему не стоят домов крепких, деревянных (леса-то сколько), каменных, на века? Неужели чувствуют непрочность своего пребывания здесь, на этой земле? Или в мире? Смотришь на незасеянные поля, заколоченные дома, пустые деревни, и невольно приходят из Великой Отечественной слова, переделанные на сегодняшний лад: «Велика Россия, а отступать некому…».

Но каковы, всё-таки люди! Далее Ганичев: «Симпатичная, крепкая, молодая ещё женщина, зовут Мария Георгиевна, уверенно отвечает:

– Спрашиваете, как живём? Да хорошо живём. Работать только надо усердно, не пить… Ничего, всё заладится. Вот пройдёт этот период, и будет хорошо. Ведь у нас были колхозы богатейшие, и они обязательно восстановятся…

Спасибо тебе, Мария Георгиевна, за народный дух, за оптимизм, за то, что не согнуло тебя время и не дрогнуло твоё сердце перед «демократией», рынком, дефолтом, перед небрежением властей всех уровней, перед презрением телевидения к твоей и нашей Родине».

<…> Валерий Ганичев писал после разговора с губернатором Хабаровского края Виктором Ишаевым: «Мы информируем губернатора, что готовим разработки духовно-культурного развития «Русский восток», в котором предусматриваем литературно-духовное сочленение всех частей России. Вот сидит, например, Комитет по государственным премиям в области культуры в Москве, комитетчики оплодотворяют друг друга, да ещё издеваются над русской литературой. Был ли после перестройки хоть один лауреат в области культуры с востока? Разве что с Ближнего… Знаем, что президент выдвинул программу развития восточных регионов. Как она? Ишаев на это ничего не ответил…».

А что мог ответить Ишаев по этому поводу в 2001 году? Программа эта сдвинулась всё же с места, но гораздо позже, уже после президентства Медведева. Но столько запущено, порушено на Востоке России с ельцинских времён, что быстро не разгребёшь, а уж построить…

Активно взялась за дело депутат Госдумы от Камчатки Ирина Яровая. Вот и с транспортными тарифами (авиационными) добилась многого, выровняла их, а то и уменьшила по сравнению с общероссийскими. Теперь летаем, слава Богу! А поддержал Владимир Путин. На нём и держимся, тут уж ни убавить, ни прибавить.

И сблизился Восток с Россией, хотя много ещё неравенства, и над этим предстоит работать. В том числе и в литературном, творческом процессе. Валерий Ганичев, как председатель Союза писателей России, стремился выровнять его, а нынешний председатель Николай Иванов успешно реализует. Если бы не ревностное отношение к этому противников русского писательского слова, уже выровнялось бы, но противодействия много. Увы, Восток пока звучит слабее. И не потому, что талантов мало, а потому что остаётся далеко от центра, а центру хватает самого себя. Я об издательствах, крупных литературных премиях.

<…> Валерий Ганичев предугадал (предсказал) расцвет Владивостока: «Уверен, что в будущем найдётся правитель и сделает Владивосток третьей столицей России. Москва – Санкт-Петербург – Владивосток – на эту столичную ось будут нанизаны Русь – Европа – Азия».

А ведь так и произошло! И нам, дальним, стало несколько легче. Если, конечно, Владивосток не начнёт смотреть на нас свысока.

Вот такой я обнаружил перекличку двух крупных писателей, проехавших в разное время по Транссибу. И такие родились мои мысли: полные ожиданий и надежд. И веры в то, что президент, и уж точно наши писатели, теперь не оставят Дальнюю Россию.

И закончить хочу строчками из стихотворения Геннадия Иванова, который путешествовал в 2001 году по Транссибу вместе с Ганичевым. Тогда ехала большая писательская группа, в том числе (из записи В.Ганичева): «…один из известнейших русских писателей Михаил Алексеев; лауреат Большой литературной премии России прозаик Александр Сегень; выдающийся поэт, тонкий мыслитель, пушкинист Владимир Костров; исторический писатель, философ, поэт Юрий Лощиц; яркий публицист Карем Раш; задушевный поэт-лирик и опытный издатель Геннадий Иванов; человек глубокой веры Сергей Котькало; яркий публицист Игорь Янин; главный редактор газеты «Российский писатель», стратег и изобретатель политтехнологий Николай Дорошенко; … превосходный чтец Сергей Куняев…». И это не все, к ним по пути присоединялись многие другие.

А теперь строчки из Геннадия Иванова:

Безмерны просторы Сибири,
То дождик прольётся, то снег…
По этой немыслимой шири
Счастливый летит человек!

Дай-то Бог, чтобы счастливыми были не только проезжающие по просторам Сибири и Дальнего Востока, но и живущие в них.

Сентябрь 2022, Камчатка